

ЧАК
ПАЛАНИК

18+

РОЖДЕНИЕ
ЗВУКА

От битника до Паланика

Чак Паланик

Рождение звука

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Паланик Ч.

Рождение звука / Ч. Паланик — «Издательство АСТ»,
2020 — (От битника до Паланика)

ISBN 978-5-17-145485-2

Искусство требует жертв. Это заезженное выражение как нельзя лучше подходит к работе Митци, профессионального звукомонтажера-шумовика, которая снабжает Голливуд эксклюзивным товаром – пленками с записями душераздирающих криков и стонов, умоляющих всхлипываний и предсмертных хрипов. У этой хрупкой женщины тяжелая работа и полным-полно скелетов в шкафу, и потому ей хочется, чтобы ее хотя бы на время оставили в покое. Но в покое ее не оставят. Ни алчные голливудские продюсеры. Ни свихнувшийся от горя отец, чья дочь бесследно исчезла несколько лет назад. Ни правительственные агенты, убежденные в существовании той самой, единственной и смертельно опасной, пленки...

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-145485-2

© Паланик Ч., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая. Забудь нам грехи наши	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Чак Паланик

Рождение звука

Думаешь, это кино?

Chuck Palahniuk
THE INVENTION OF SOUND

© Chuck Palahniuk, 2020
Школа перевода В. Баканова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Часть первая. Забудь нам грехи наши

По улицам с воем пронеслась «Скорая», и сразу взвыла всякая псина в округе: и пекинесы, и бордер-колли, и немецкие овчарки, и бостон-терьеры, и уиппеты. Дворняги и чистокровки, далматинцы и доберманы; пудели, бассет-хаунды и бульдоги. И пастушьи, и домашние, и бродячие. И помесь, и породистые – все единой глоткой вторили вою сирены.

И все они на время стали одной сворой. Вой каждого пса стал единым воем на всех – сирена затерялась в этом громовом вое. Когда же звук, что пробудил и объединил их, исчез, песий вой держался еще долго: не в собачьих силах отринуть единство стаи по своей воле.

Приподнявшись на локте, Джимми прислушался.

– Чего это? – спросил он.

Рядом с ним в постели шелохнулась Митци. Взяла бокал вина, стоявший на полу, и спросила:

– Что «чего»?

В офисном здании через дорогу светилося одно окно. За ним, словно выставленный на всеобщее обозрение, всматривался в экран компьютера человек. По его лицу проносились отсветы двигавшихся на экране картинок. Свет отражался в очках и дрожал в слезах на щеке.

Лай стоял не только за окном, но и по всем соседним кондоминиумам. В волосах над поникшим и мокрым членом Джимми нагнаивался прыщ. Видно было, что вот-вот лопнет. Бугорок, набрякший розовато-белым гноем.

– Чего это собаки так развылись?

Когда она потянулась, чтобы скосырнуть бугорок, оказалось, что это не прыщ. Что-то прилипло к коже: таблетка, просто закатившаяся таблетка снотворного. Пиллюля «амбиена», которую она подцепила ногтями и сунула в рот, запив глотком вина.

– Лимбический резонанс, – ответила Митци.

– Эт че такое?

Джимми соскользнул с постели.

Уж кем-кем, а джентльменом Джимми не был. Дикарь, пещерный человек, став босиком на полированное дерево пола, он ухватил край матраса и рванул его, прямо с Митци, с кровати. На сей раз хоть не за волосы, и на том спасибо. Джимми потащил матрас через всю спальню к высокому окну с видом на городской простор.

– Че за «ебический резонанс»?

– Лимбический, – ответила Митци. – Лимбический резонанс. То, над чем я работаю.

Она поставила пустой бокал на подоконник. Строгая решетка уличных огней ярко сверкала под хаотичной россыпью звезд. Вой затихал.

– Я работаю над тем, – добавила Митци, – чтобы весь мир взвыл одной глоткой.

Фостер позвонил не адвокату, а своему наставнику, Роббу. Тут полиция-то была какая-то ненастоящая, так, участок в аэропорту. Да и Фостер всего-то прикоснулся к девчонке, то еще преступление. Арестовали? Вроде того, но держали в кафе у касс продажи авиабилетов. Усадили его на складной металлический стул, а напротив вдоль стены выстроились торговые автоматы. На руке кровоточил маленький полумесяц укуса.

Задержали только один рейс, тот, которым летела девочка, – чтобы она написала заявление.

Фостер попросил фейковых копов вернуть ему телефон и показал снимок на экране. Тем пришлось признать, что человек в розыске похож на этого извращенца. На извращенца, который был с девочкой.

Один из фейковых копов, парень, спросил, откуда у Фостера снимок, но разве обо всем расскажешь?

Фейковая коп-девица сказала ему:

– В мире полно потерявшихся малышей. Это не дает вам права ни с того ни с сего хватать чужого ребенка.

Самого же Фостера интересовала судьба багажа. Его рейс в Денвер улетел. Грузят ли багаж, если пассажир не сел в самолет? Сейчас, наверное, собаки из группы разминирования обнюхивают его сумку. Вряд ли нынче сыщешь город, где бесхозный чемодан приличного вида будет долго кататься по ленте транспортера в зале прибытия. Можно не сомневаться: кто-нибудь его прихватит. Сделает вид, что посмотрел багажную бирку, и даст деру.

Ну а Фостеру сейчас не помешало бы выпить. Выпить да швы на руку наложить. Перед потасовкой он успел проглотить пару мартини в баре аэропорта – и тут увидел девчущку. Его взгляд привлекли темно-рыжие волосы Люсинды. Вроде как раньше стрижка была длиннее, а сейчас волосы едва касались плечиков. Девочка была того же возраста, что и Люсинда, когда та пропала семнадцать лет назад.

Впрочем, сперва он об этом и не думал, действовал инстинктивно. Головой Фостер понимал, что человек с возрастом меняется. Например, фотографии пропавших детей на молочных пакетах. Каждый год детские лица делают старше при помощи компьютерной графики. Эксперты берут фотографии матери, теток, всяких родственников женского пола, чтобы хотя бы приблизительно создать облик повзрослевшей девушки. И тогда в любом супермаркете между баллончиками со взбитыми сливками и пакетами сливок для кофе можно увидеть улыбку Люсинды.

Фостер мог поклясться, что девочка в аэропорту – Люсинда. Выяснилось, что это не так.

Окончательно его добило, когда извращенец взял девчущку за руку и повел к посадочному выходу аэропорта. У Фостера и сердце не екнуло: он лишь бросил на стол наличные и бросился за преступником. Вынув телефон, принялся листать фото в альбоме, в своей галерее злодеев. Вот заблуренные лица, татуированные шеи. А вот четкие анфасы потных растлителей малолеток.

Подонки, что уводил девочку, был похож на нескладного пса Скуби-Ду. Худой и косматый, типичный наркоман в шлепанцах. Фостер принялся кружить около своей цели, чтобы снять с разных ракурсов. У выхода к трапу сотрудница проверяла посадочные талоны.

Дегенерат-наркоша показал ей два билета и вместе с девочкой, последним пассажиром на посадке, направился в самолет.

Задыхаясь после бега, Фостер подошел к сотруднице:

– Вызывайте полицию.

Она преградила ему путь, не давая пройти в посадочный рукав, и подала знак коллеге у стойки, подняв руку.

– Сэр, немедленно остановитесь.

– Я расследую похищение. – Хватая ртом воздух, Фостер поднял телефон, показывая ей зернистое изображение косматого мужика с ввалившимися глазами на изможденном лице. Где-то далеко и невнятно послышалось объявление о начале посадки на его рейс. За окном было видно, как бригада аэродромного обслуживания догружает прошедший регистрацию багаж и захлопывает люки. Еще мгновение, и грузчики отъедут.

Фостер отпихнул контролершу. Он и не думал толкать женщину с такой силой, это вышло случайно. Она полетела на пол, а Фостер заорал, громыхая подошвами по посадочному рукаву:

– Вы не понимаете! Он ее трахнет, а потом убьет!

У входного люка, собираясь закрыть его, стояла стюардесса, однако Фостер прорвался, оттолкнув локтями и ее. Он побежал, спотыкаясь, по проходу первого класса:

– Он снимает детское порно! Он губит детей!

Всем, кто мало-мальски интересуется темой, прекрасно известно, что торговцы детьми буквально повсюду: они стоят с нами в очереди в банке, сидят рядом в ресторане. Фостеру едва довелось коснуться поверхности сети, как эти хищники ринулись на него, норовя затащить в свой пагубный мир.

В проходе стояли несколько пассажиров, ожидая, когда можно будет сесть. Последней в очереди была девочка, которая до сих пор держала за руку того худого подонка. Услышав крики Фостера, девочка и похититель оглянулись. Весь салон посмотрел сначала на преследователя, а потом на мужчину с девочкой. Может, из-за того, что на Фостере был темно-синий деловой костюм, может, из-за внушающей доверие стрижки и очков а-ля «умник» салон стал на его сторону.

Тыча указующим телефоном, Фостер продолжал орать:

– Он педофил, организатор международной сети детской порнографии!

Косматый ошарашенно пробормотал:

– Жестко, чувак...

Девочка расплакалась, и это расценили как доказательство обвинения. Всем захотелось стать героями: защелкали замки, отстегнулись ремни, а потом свора бросилась на подонка, и уже не было слышно его сдавленных негодующих выкриков. Ор поднялся со всех сторон. Те, кому не довелось вцепиться в торчка, подняли телефоны повыше и принялись снимать видео.

Фостер бухнулся на колени в проходе между рядами кресел и пополз к плачущему ребенку со словами:

– Вот тебе моя рука!

Девочка не удержала руку торчка и лишь смотрела, как тот исчезает под грудой тел. Ревя и заливаясь слезами, ребенок рыдал:

– Папочка!

– Он не твой папочка, – проникновенно ворковал Фостер, который досконально знал все детали похищения. – Разве ты не помнишь? Он увез тебя из Арлингтона в Техасе. Но не бойся, теперь все ужасы в прошлом.

Фостер тянулся к ней, пока не накрыл ручищей маленькую ручонку.

Пещерный подонок беспомощно утонул в давке сражающихся пассажиров. Девочка пронзительно завизжала, и в этом визге не было слов, лишь боль и ужас, а Фостер притянул ее к себе и обнял, успокаивая и поглаживая волосики на голове, без умолку повторяя:

– Ты в безопасности. Теперь ты в безопасности.

Он скорее сознавал, чем видел, как его снимают пассажиры: мужчина в синем костюме, никто и звать никак, опустился на колени в проходе между рядами кресел самолета и лапает девчушку в цветастом платье.

Из динамиков раздался голос:

– Говорит командир корабля. К нам направляется опергруппа управления транспортной безопасности. Прошу всех пассажиров оставаться на своих местах.

Девочка рыдала и тянула ручонки к колтуну волос извращенца, едва различимого под грудой тел.

Фостер взял заплаканное личико обеими ладонями и встретился взглядом с невинными карими глазками:

– Ты больше не будешь его секс-рабыней.

Какое-то мгновение все купались в теплом сиянии коллективного героизма. Видео в прямом эфире расходилось по Интернету. Затем сразу в паре сотен видеоклипов на «Ютубе» голова Фостера оказалась в локтевом захвате сотрудника службы безопасности.

Словно огранные его ладонями, глаза девочки засверкали удивительной, непоколебимой решимостью.

Фостер прохрипел, задыхаясь:

- И не благодари, Салли.
- Меня зовут Кашмир, – отозвалась девочка.

И повернула свою малюсенькую головку как раз настолько, чтобы тяпнуть его за большой палец.

Спасатели придумали для этого свое название. Спасатели, которым оставалось лишь увезти труп. Они говорили: «ушел по-фонтейновски» – по названию высотки, в которой жильцам не к чему было привязать веревку, потому что в высоченных потолках небоскреба светильники были встроенными.

Стильно, но человека не повесишь.

Контейнеры для раздельного сбора мусора в подвале здания могли многое порассказать. Контейнер для стекла был забит бутылками из-под дорогих брендов текилы и водки – «Патрон» да «Смирнофф». Соседи Митци – не голь перекатная. В «Фонтейне» никто не жрал кошащие консервы – кроме, разумеется, кошек.

Гостей здесь почти не бывало – за исключением спасателей-парамедиков.

Вот и сейчас у бордюра стояла «Скорая»: ни маячков, ни сирены. Митци наблюдала с семнадцатого этажа, с матраса, который Джимми подтащил к окну. Двое в форме спустили прыгающую по широким ступеням каталку, поставили ее на тротуаре, открыли задние двери «Скорой», уселись на откидной борт и закурили.

Тельце на каталке было накрыто и пристегнуто ремнями. Женщина, подумала Митци. Не ребенок – по правилам кондоминиума здесь не могло быть детей. Скорее всего, труп сильно разложился. Калифорнийская жара справлялась с такой работой за несколько недель, даже если кондиционер врубить на полную. Человека легко могло упарить, вроде как мумифицировать, обезводить, иссушить. Кто там, под ремнями? Соседи знают. А еще они знают, кто вызвал полицию: горничная или смрад разложения.

Не секрет, что останки Шэрон Тейт нашла домработница. Домработница же нашла холодный и нагой труп Мерлин Монро. Митци подумалось, что один из наихренейших способов потерять работу – найти свою беременную нанимательницу заколотой.

О том, как пырнуть ножом, Митци могла бы книгу написать. Например, зачем некоторые убийцы наносят столько ран. Ведь только первый удар несет боль, остальные двадцать, тридцать, сорок ударов лишь облегчают страдания. Нужно всего раз пырнуть или резануть, чтобы начались кровотечение и крики. А чтобы закончились, нужно бить и бить.

Через дорогу напротив на одном уровне с ней в рабочем кабинете сидел человек. На вид – так, никто, папашка папашкой, пялился на невидимый ей экран. Он сидел за столом в очках, и только в его кабинете, в единственном во всем здании, горел свет.

Митци и сама как-то попробовала «уйти по-фонтейновски». Слухи доносили этот незамысловатый фокус до каждого нового жильца: просто открываешь дверь (отличная шутка, ведь ты хочешь «уйти»), а раз веревочку привязать некуда, вяжешь на дверную ручку. Тут прекрасно подходит мягкий поясок махрового халата. Один конец – к ручке, другой перекидываешь через дверку, мастеришь петельку. Забираешься на стул, даешь ему хорошего пинка и плясешь сарабанду на гладкой поверхности крашеной двери.

Митци слышала, что в давние-предавние времена люди не оскверняли деревьев. Поэтому, когда надо было кого-нибудь вздернуть, к стене прислоняли стремянку, а к верхней перекладине вязали веревку. Приговоренного ставили на стул или сажали на лошадь. Когда стул падал или лошадь рвала с места, петля под лестницей делала свое дело. С тех пор ходить под лестницей – дурная примета. Ведь никогда не знаешь, вдруг дух или духи бандитов и головорезов все еще отираются там, где их казнили.

Духи преступников толпами бродят по земле, чтобы не попасть в ад. Митци очень надеялась, что мертвецы не страдают похмельем.

Пока следила за парамедиками, она приняла таблетку «ативана» и тут же, вдогонку, таблетку «амбиена». Голова раскалывалась. Голова вообще болела часто, но «амбиен» помогал забыть, что это ее голова, – если принять достаточно.

Глядя на все это, как не помолиться. «Отче наш, сущий на небесах», – начала было она, однако «амбиен» уже принялся колдовать над памятью, и Митци смолкла, не находя нужных слов. «И забудь нам грехи наши, как мы забыли тех, кто причинил нам зло».

Семнадцатью этажами ниже ее окна парамедики погрузили своего пассажира и хлопнули дверьми. В здании напротив погас свет.

Вместо папашки Митци увидела очертания своего собственного отражения. Она помахала рукой, и отражение помахало в ответ.

Зазвонил телефон. «Скорой» уже не было.

Одинокое и недостижимое отражение подняло руку и поднесло отражение телефона к уху, помахав свободной рукой – прощаясь то ли со спасателями, то ли с мертвецом, то ли с настоящей Митци.

Из «Оскаропокалипсиса сегодня», автор – Блаш Джентри (стр. 1)

Не называйте меня кинозвездой. Я не звезда, уже нет, я дипломированный геммолог. Если мне сейчас и предлагают роли, то не за актерский талант. А я меньше всего на свете хотела бы играть cameo во фрик-шоу типа тех, в которые втянули Пэтти Херст.

Нет, единственная стоящая вещь на свете – хромдиопсид. У моей компании контрольный пакет крупнейшего месторождения хромдиопсида в Сибири. Наш слоган – «Изумруднее изумрудов». Чтоб вы знали, у хромдиопсида более насыщенный зеленый цвет, чем у большинства изумрудов. У меня даже выставка есть на «Джем стоун Ти Ви», называется «Час драгоценностей из короны Голливуда с Блаш Джентри».

Моего сыночка зовут Лоутон, ему одиннадцать. Муж тоже работает в киноиндустрии, трудится в постпроизводстве. Скорее даже постпостпроизводстве, очень глубоком постпроизводстве. Муж – настоящий работоголик, его любимая фраза: «Моя религия – моя работа».

И скажу сразу, мы ничего не знали обо всех этих чудовищных убийствах, во всяком случае, не знали в то время, когда они творились.

Робб поколдовал, и Фостера отпустили. Из аэропорта поехали перекусить в дайнер. Сели за столик неподалеку от женщины в гигантских солнцезащитных очках; та все двигала какой-то сверток к своему собеседнику напротив, а тот двигал сверток обратно. В таких очках ее бы и мать родная не узнала. Женщина повозилась с телефоном. Щелкнув ручкой, черкнула что-то в записной книжке.

Официантка не успела подать яичницу, как Робб закрыл лицо ладонями и разрыдался.

– Во всем виновата Май, – приглушенно всхлипывал он сквозь пальцы. – Все не так.

Жена Робба, Май, бросила его после жуткой гибели ребенка. Фостеру не раз доводилось слышать этот рассказ в группе поддержки. Робб откинул полу пиджака, и показалась наплечная кобура, в ней, незаметно прижавшись к ребрам, сидел пистолет. Робб вытер глаза бумажной салфеткой, нашарил пряжку и ремешок застежки другой рукой, отстегнул кобуру и положил пистолет на стол между ними.

– Мне сейчас нельзя с ним ходить. Я за себя не отвечаю. Если я выйду отсюда с оружием...

Он подвинул пистолет Фостеру. Фостер вернул оружие таким же движением. Тяжелая сталь гулко скользнула по ламинированному пластику с треском электростатического разряда. Все вокруг в оцепенении замерли.

Двое мужчин сидели за столом. Один рыдал. Между ними лежал пистолет. Окружающие глазели. Женщина в огромных очках смотрела на них.

– Пожалуйста, – упрашивал Робб, – только на время, возьми его себе.

После того, что случилось в аэропорту, за Фостером был должок. Поэтому Фостер взял пистолет.

Митци приехала в дайнер, прошла к столику в конце зала. Продюсер, Шло, уже ее ждал. У Митци подвисли два невыполненных заказа, так что работа была не нужна. Но ведь это Шло, он как родной. К тому же здесь, в Голливуде, кто не хочет стать героем? Митци скользнула за столик и спросила:

– Ты уже был на студии «Ай-Эл-Эм»?

Собеседник помолчал. В этом весь Шло. У него речевые замашки человека, который днюет и ночует в мобильнике. Человека, который понимает: задержки в спутниковой связи вынуждают говорить с расстановкой. Ответил Шло после внушительной паузы:

– «Ай-Эл-Эм» не про тебя.

Даже с глазу на глаз, за одним столиком, Шло был громогласен. Будто всю жизнь только и делал, что орал по громкой связи в машине.

Большой Шло поднял руку, провел по щетине на подбородке, явно разглядывая свое отражение в ее очках. В помещении темные очки палили ее с потрохам:

– Вижу, перебрала вчера слегка?

– Я на «ксанаксе».

Он ткнул в нее своим толстенным пальцем. На запястье сверкнула рубиновая запонка.

– Прислать еще?

На такое хамство Митци отвечать не стала.

– Если организму не хватает магния, лопай бразильские орехи. – Шло прикрыл рот ладонью и шепнул: – Знаешь, мы в детстве называли их «афроамериканские пальчики». – Он сочно гоготнул над собственной шуткой.

Митци жгла его гневным взглядом сквозь поднятый стакан, но свет люминесцентных ламп колол глаза.

Шло протянул к ней через стол мохнатую мясистую лапищу:

– Ты просто вылитая мать. Вот ведь была душа человек.

Нежно коснулся пальцами ее щеки.

– И совсем не похожа на отца. Большого мудилы я в жизни не встречал.

Митци оттолкнула руку. Головная боль врезалась в шею, оттуда ударила по плечам, в позвоночник. Она лишь из принципа упомянула «Ай-Эл-Эм», всего-то закинула наживку. Но Митци есть Митци: избегая прямого взгляда, жестом подозвала официантку и лишь затем сказала:

– Позвони Дженкинс, она справится.

Выждав паузу, Шло ответил:

– Дженкинс за такое не возьмется.

Господи, как же он орет.

Митци положила телефон на стол. Размотала проводок наушников, воткнула в телефон:

– Ты сейчас такой вопль услышишь, что ой-вей.

Большой Шло только отмахнулся, для него крик – это всего лишь крик.

Жалкие ничтожества, подумала Митци. Где им понять? Люди вот думают, что это хрустит кость, когда ее ломают. На самом деле достали пучок сельдерея из морозилки, завернули в кусок замши и хрясь его напополам. Откуда им знать, с каким звуком черепушка встречается с тротуаром после прыжка с небоскреба? А это лишь соленые крекеры: налепили в два слоя на арбуз и хрясь его бейсбольной битой.

Возьми любого киномана, тот и скажет, что все ножи входят в тело с одинаковым звуком. Откуда этим безмозглым бедолагам знать, с каким звуком хлещет струя крови из артерии? Разве только самим в аварии с лобовым ударом побывать.

Шло поднял пухлый пакет с диванчика. Протянул через стол. По липкому следу клея было видно, откуда сорвали наклейку с адресом.

Митци заглянула в пакет и провела пальцем по верхней пачке купюр. Только сотенные, много пачек: видимо, заказ будет адским.

Внезапно над ухом лопнул пузырь жвачки. У стола стояла официантка. Девочка не выглядела ярко размалеванной дурой из Лос-Анджелеса, каких много, не безмозгая блондинка. Слишком долго она смотрела на Шло, слишком резко отвернулась. Значит, узнала. Спинку выпрямила, грудь выпятила, подбородочек задрала. Повертела носиком налево и направо, чтоб мордашку с обеих сторон показать, и спросила:

– Чего пожелаете?

Уже не официантка, а актриса, играющая официантку. Незаметно проглотила жвачку и пустилась перечислять все блюда меню, словно декламировала на прослушивании.

Митци резко оборвала ее:

– Только кофе. – А потом добавила: – Пожалуйста.

Когда официантка исчезла, Шло попробовал зайти с другого боку:

– Я без ума от твоей работы. Фильм, что вышел в прошлом месяце, ну, там, где пацан полетел с верхней ступеньки и расколол череп о каменный пол... Это ведь твоя работа?

Тоже мне, пацан. Какой-то актеришка сыграл подростка, за которым носится одержимая кукла. Кукла – компьютерная анимация. Актер – почти старикашка. С лестницы полетело чучело с шарнирным скелетом в рост человека. Единственное, что во всей этой второсортной мутотени было настоящим, – звук. Смачный шлепок расколотого о каменный пол черепа, неподражаемое хлюпанье мозгов. Не просто звук, а оргазм всей сцены.

Вслух Митци сказала:

– Уронила пучок мороженого салата на землю рядом с микрофоном.

Шло недоверчиво покачал головой:

– Наших пучком мороженого салата не проведешь.

Посвященные знают: если полоску фанеры размочить в воде и высушить на солнце, то когда клей растворится, хрясни ее напополам, и вот тебе хруст ломающейся бедренной кости.

Митци пожала плечами. Она нашла наконец в телефоне звуковой файл, который так долго подбирала. Новый крик, будущее кинематографа. Игра за гранью игры.

Нестыковка портила все. Зрелищно фильмы становились лучше год от года. Компьютерная графика, цифровая анимация. Но когда дело доходило до звука, начинался полный отстой: в кадре со скачущим рысачком стучит пара кокосовых орехов. Бредет актер по снегу, а у микрофона орудут пестиком в пакете с кукурузной мукой. В кинозале все звучит отлично, и долби, и сурраунд, но вот «кухня», где звук готовится, это просто средневековый пиздец. Лист железа сойдет за раскаты грома. Крылья летучей мыши? Быстро раскрываем и закрываем зонтик.

– Что снимаешь? – спросила Митци. Хотя она сама все увидит на экране, есть все же основные вопросы, которые лучше выяснить заранее.

За окном на парковке стоял «Порше». Шло посмотрел на «Порше» и лишь затем ответил:

– Да так, ничего особенного. Девку пырнули ножом.

Митци вынула из сумочки записную книжку с отрывными страницами. Щелкнула кнопкой шариковой ручки:

– Модель ножа?

Шло нахмурился:

– Зачем это?

Митци отодвинула пакет с деньгами обратно, откуда он появился.

Шло снова подтолкнул его к Митци, поднял палец, призывая ее к терпению, выудил из кармана телефон и принялся листать экран. Затем прочел:

– Немецкий «Лауффер». Нержавейка, эбеновая ручка. Семнадцатидюймовый разделочный нож, год производства – 1954-й. – Он поднял взгляд: – Серийный номер нужен?

Снова на сцену вышла официантка. Теперь девушка подготовилась получше: заколола волосы, открыла лицо. На губах блестела свежая помада, а на длинных ресницах густо лежала тушь. Лучась улыбкой, будто ее пригласили на повторное прослушивание, держала две чашки одной рукой; другой рукой официантка держала кофейник. Поставила обе чашки на стол одним кадром, налила кофе и покинула сцену.

Митци быстро записывала в блокнот.

– Нож остается в теле или ударов будет много?

Шло снова поднял взгляд:

– Да какая разница?

Митци швырнула толстый сверток с деньгами обратно через стол. Щелкнув ручкой, притворилась, что убирает блокнот.

Говорить этого она не стала, но когда колотых ран много, нож выходит из тела. Звук особенный. Нож работает как помпа, идет подсос крови или воздуха из раны.

Шло вернул деньги и объяснил:

– Три удара. Раз, два, три, а потом нож остается в теле.

Не отрывая глаз от блокнота, Митци уточнила:

– Где ее пырнули?

Продюсер внимательно разглядывал и блокнот, и ручку. Потом поднял чашку и глотнул:

– На здоровенной старинной кованой кровати.

Митци сердито засопела:

– В какое место на теле?

Шло посмотрел по сторонам, побагровел, глаза сузились; наклонившись через стол, шепнул ей что-то, прикрыв рот ладонью.

Митци закрыла глаза и покачала головой. Открыла глаза.

– Ты нос-то не задирай. – Продюсер гадко ухмыльнулся, открыв нижний ряд зубов. Ни коронки, ни отбеливание не сделали их менее безобразными. – Это ведь ты занималась сценой, где адские псины освежали попа-пидора?

На них стали посматривать немногочисленные посетители.

Сценарии писала не она, но Митци не стала об этом напоминать. Кто она такая? Так, наемный работник. Чем занимается? Всего-то воплощает большие фантазии других людей.

Человек за соседним столиком расплакался. Зарылся лицом в ладони и громко, театрально разрыдался. У второго, что сидел с ним за одним столиком, лицо покрылось пунцовыми пятнами стыда. На вид этот второй был так, никто, папашка папашкой. Однако Митци его узнала.

Фостеру и в офисе не было покоя от маленьких девчонок. Третьеклашки что-то ксерили, школьницы постарше разносили почту. Он повернул экран монитора так, чтобы никто не увидел. Откуда-то из коридора, из отдаленных кабинетов доносились шепот и хихиканье, но Фостер не отрывался от своего занятия, притворившись, что пьет кофе. Отчеты о продажах лежали раскрытыми на столе. Рука всегда была начеку, палец всегда в боеготовности переключиться на экран, заполненный номерами деталей и датами поставки.

Вокруг клубился повседневный мир с обыденными заботами, а Фостер скрытно полз по страницам тайных порталов: вбивал пароли, переходил по адресам, прикрепленным к сообщениям, присланным в обмен на номер карты или за криптовалюту. Вооруженный длинным списком логинов, заходил на сайты, которые перенаправляли на сайты, перенаправлявшие на

свалки картинок, где уже невозможно было отследить его адрес. И там Фостер разглядывал изображения, в само существование которых нормальные люди просто отказываются верить.

Коллега по работе из отдела контрактов просунула голову в дверь:

– Гейтс, есть минутка? Познакомься, это моя дочка, Джина.

Мамина копия, ростом ей по пояс, шагнула в кабинет.

Фостер поднял на Джину красные глаза, улыбнулся, словно загнанный депутат на личном приеме, и сказал:

– Привет, Джина.

Девочка держала в руках картонную папку для бумаг. Серьезные глаза, казалось, детально изучили весь кабинет.

– А где ваша дочка?

Мама погладила ее по головке.

– Извини, Джина считает, что у каждого должна быть дочурка, чтобы ей было с кем поиграть.

Всего в нескольких градусах за пределами ее поля зрения на экране Фостерова монитора бурлили неопишуемые зверства. В адском пылании красок при выключенном звуке над детьми творили такое, что, стань он просто даже свидетелем, и тюрьма до старости обеспечена. Сделай мать еще шаг, и не видать ей спокойных снов до конца жизни: люди в масках стоят в очереди на секс с мертвым ребенком.

Фостер стукнул по клавише, и кошмары сменились колонками серийных номеров.

Он позвал девочку:

– Джина!

Та обернулась, недоуменно посмотрев на Фостера.

– Хорошего тебе рабочего дня с мамой.

Джина шагнула ближе и, наклонив головку набок, спросила:

– А почему вы плачете?

Он прикоснулся к щеке, обнаружив слезу, стер ее костяшками пальцев.

– У меня аллергия.

Мать беззвучно пошевелила губами: «Сегодня вторник». Положив руку на плечо ребенка, увела девочку.

Точно. Сегодня вторник, день тако. Только зэки в тюрьме и матросы на подводной лодке больше радуются жратве, чем офисные работники. Настало время обеда, работа на этаже затихла. Фостер стукнул по клавише и провалился в ад.

Самым страшным было то, что найти эти сайты оказалось проще простого. Одно фишинговое письмо без обратного адреса затянуло его в кроличью норку. А каждая норка вела в другие.

Ну подумаешь, поймают его на этом! Да и плевать, если кто-то из айтишников обнаружит, что он забыл стереть пару файлов из истории посещения браузера. Он ничем не рискует – давно превратился в человека, у которого все самое страшное уже позади. А этот поиск дает ему смысл жизни.

Робб как-то рассказал на занятии в группе, что медицинские лаборатории специально подыскивают животных для опытов – собак и кошек – из тех, что когда-то были домашними. Дикие звери и бродячие животные четко понимают: мир опасен. У них развит инстинкт выживания, они борются за жизнь. Зверушки, которых растили в любви и ласке, готовы сносить пытки и истязания. Они никогда не нанесут ответный удар, даже защищаясь. Напротив, милый домашний зверек будет терпеть опыты, да еще и стремиться порадовать своего мучителя. А в лаборатории чем больше страданий животное способно вынести, тем полезнее оно окажется. И тем дольше проживет.

То же и с детьми: девочки вроде его дочери, Люсинды, могут выжить, просто не оказывая сопротивления. А на свете не было ребенка, которого растили бы с такой любовью, как Люсинду. Если она, конечно, жива.

По меньшей мере он мог увидеть, как дочь погибла. Над изображениями нависало, тускло отражаясь от экрана, его нездоровое лицо: распухшие полузакрытые веки обвисли, рот полуоткрыт.

Фостер пытался не смотреть на детей, как стараешься не смотреть на дохлую кошку на улице. Не смотреть – это вроде как проявить уважение. Этих детей и так уже разглядывали до смерти, до смерти залили слюнями.

Нет, детей Фостер не разглядывал. Детей, которых он находил в Сети с мужчинами, он просто исключал из изображения. А вот лица мужчин он изучал. Если лица были скрыты, он изучал руки, скрупулезно рассматривал татуировки на телах, изучал перстни и шрамы. Иногда он все же замечал длинный локон Люсинды, как тогда, у девочки в аэропорту. Но это всегда была не она. Поэтому разглядывал и запоминал он мужчин.

Точно одно: такие дети больше никогда не возвращаются на улицу. Вся надежда была лишь на то, что на улице увидишь преступника. Поэтому Фостер делал снимки с экрана и увеличивал их, насколько позволяло разрешение. Он собрал целый каталог мужских лиц, татуировок и родимых пятен – столько, что поимка преступника становилась лишь вопросом времени. А если поймать одного, то можно пытками добраться и до другого.

Сам себя Гейтс Фостер видел гранатой на боевом взводе. Пулеметом, ждущим следующей цели. Его кабинет, офисная жизнь – все это проформа. Мечтал он стать палачом тех, кто мучил детишек.

Митци никогда не рисковала по-глупому.

А тут – оружие на столе в ресторане рядом с ней, два незнакомца, каких-то бандюка с пистолетом, при этом один рыдает, а второй оглядывается, ищет свидетелей. Она перевела взгляд на окно и «Порше» за ним, с опаской понизила голос:

– Ты только послушай, ой-вей...

Она протянула Шло наушники своего телефона. Когда набралась храбрости и повернула голову, двух бандюков уже не было за столиком.

Продюсер сдержанно продолжил:

– Девица, которую мы выбрали на роль, не прочь раздеться, но кричит она прямо как рыба об лед.

В телефоне Митци ожидал прослушивания очередной шедевр. Такая озвучка могла бы превратить любой фильм в блокбастер, который захочется не смотреть, а слушать.

Шло уставился на наушники:

– Что там?

Он протянул руку и взял их. Вставил сначала один, потом другой в свои волосатые уши.

Митци моргнула и сказала, коснувшись экрана:

– Сам узнаешь.

Объяснять она не стала, но единственный способ пережить кошмар – это принять в нем участие. И не просто просматривая пиратскую копию на экране телефона. Настоящему безумцу нужно, чтобы все увидели и услышали кошмар на большом экране. Много раз, билет за билетом. Пока не перестанешь содрогаться до глубины души.

А шедевр между тем и с телефона сделал свое дело. Лицо Шло побледнело, будто сыпали сахарной пудры на пончик. Из глаз брызнули и потекли слезы. Нижняя губа задрожала. Продюсер закрыл рот руками и отвернулся.

Митци задумчиво произнесла:

– Я назвала его «Веселый цыган, длинноволосый блондин, двадцать семь, замучен до смерти, промышленный фен». – Она приподняла очки, однако только для того, чтобы подмигнуть: – Такое название не забудешь, правда?

Шло выковырнул наушник. Неосторожно зацепил чашку и пролил кофе. Схватил салфетку с подставки, промокнул стол. Вырвал второй наушник и швырнул оба в нее. Оттолкнувшись от стола, заковылял мимо официантки. Пробормотал, багровея лицом, на прощание:

– Тебе бы к священнику сходить.

Митци подняла упавшие наушники, послав ему вдогонку:

– Моя религия – моя работа.

Официантка не отпускала продюсера взглядом, и когда Шло открывал стеклянную дверь, и когда, неуверенно спотыкаясь, пробирался по парковке к своему «Порше».

– Обожаю его фильмы, – сказала официантка, играющая актрису, играющую официантку.

Митци оглядела ее с ног до головы и кивнула в сторону «Порше»:

– Хочешь попасть в следующий фильм?

– А ты тоже продюсер?

На вид ей было двадцать три – двадцать четыре, от говора веяло деревенской простотой и легкой гнусавостью, палящее солнце юга не успело испортить ни волос, ни кожи. Обручального кольца также не было. Многообещающие мелочи.

Митци прочитала имя на бейджике:

– Шания? Ты знаешь, чем в кино занимается шумовик?

Та покачала головой:

– Не-а. Но ты знаешь нужных людей, да ведь?

Вместо ответа Митци подняла пакет, оставленный на столе, выудила из него увесистую пачку банкнот. Отсчитала одну, две, три сотенные и подняла руку в ожидании, клонет ли на такую наживку юный талант.

Робб позвонил ему домой. Просто узнать, как дела. И спросил, придет ли Фостер на следующую встречу группы.

Фостер разглядывал укус на руке. Отпечаток детских зубов, крошечная подкова в запекшейся крови. Роббу ответил, что будет в подвале церкви, где обычно проходят собрания, и уже почти повесил трубку, когда из нее донесся раздраженный голос Робба с припасенным напоследок вопросом. Фостер вернул трубку к уху и подождал, когда Робб повторит:

– В Денвер-то зачем?

Фостер напряженно вспоминал, как давно он знаком с Роббом. Вспоминал, как они познакомились в группе, вспоминал все, чем Робб поделился о своем ребенке, младенце, сыне, когда Фостер только пришел в группу.

Робб снова спросил:

– Что там такого важного, в Денвере?

Фостер не мог сказать правду. Кто-то сболтнул в анонимном чате, что в Денвер придет Паоло Ласситер. В «даркнете» кто угодно мог оказаться совершенно никем, но источник из чата назвал Ласситера большой шишкой в секс-торговле детьми.

Не возлагая особых надежд на Денвер, Фостер загрузил в телефон все найденные в Сети снимки Ласситера, составил список наиболее вероятных отелей и в мечтах уже видел, как вцепится в глотку этой «шишке» и вышибет из него все, что тот знает о Люсинде.

Расскажи он Роббу о своих планах, и наставник вынудил бы Фостера выложить полную историю грехопадения, рассказать о кошмарных чатах и чудовищных папках с фото; тогда никто бы и в грош не поставил Фостеровы благие намерения.

Вместо этого Фостер сказал:

– Я встретил девушку. – И замолчал, словно смутившись, на самом деле выдумывая очередную ложь. – В Интернете. Знаешь, я, наверное, женюсь.

Багаж, должно быть, уже в Денвере. Катается там по транспортной ленте. А может, и летит обратно.

На том конце линии замолчали. Фостер прислушался к звукам на заднем плане – хотел расслышать хоть что-нибудь: как живет Робб после гибели сына. Ни звука не донеслось. Жена ушла. Тишина стояла такая, будто Робб звонил из секретного правительственного бункера.

– Не смей нам лгать, ничего хорошего тебя там не ждет! – Голос Робба пылал презрением, а потом наставник зашел козырем: – Мы точно знаем, что там за девушка в Денвере. Стыдись!

И добавил, чтобы Фостер точно устыдился:

– Вся группа знает!

Тут Фостеру ответить было нечего; смутившись, он повесил трубку.

Воспоминание о прошлом навсегда въелось в руки. Руки помнили дрожь, когда Митци несла первую ДАТ-кассету¹ на продажу. Память жила болью в коже на голове, болью стянутых, туго сплетенных волос. Тогда Митци носила длинные, очень длинные волосы. Длинноволосая старшеклассница, она сплела и заколола толстую косу на затылке так беспощадно, как только старшеклассница может приколоть к подставке бабочку или скарабея на занятии по биологии.

Митци Айвз, школьница Митци, чувствовала себя и жуком, и подставкой и страдала, когда на нее пялились. Она с содроганием вспоминала косу и то, как выставила напоказ шею. Как заалела кожа на шее, когда продюсер пожирал глазами ее грудь, тер синюю щетину на щеках и подбородке. Вспомнила, как ссутулилась, согнулась вперед, опустила плечи, скрестила руки на груди. Все тело запечатлело то воспоминание.

– Мисс Айвз, – сказал продюсер. Он заглянул в записную книжку: – Митци.

То был не Шло. Она боялась, что Шло узнает записанный голос. И тогда ее карьера начнется и закончится этим собеседованием. То был конкурент Шло. Он кивнул ей на кресло напротив стола, а потом навис над ней, сев на край стола. Навис всем телом над ее лицом, придавил запахом накрахмаленной рубашки.

В тот день Митци прогуляла половину уроков в школе: пропустила контрольную по американской политике, лабораторную по языку и лекцию по введению во фракталы. И в автобусе она оказалась в школьной форме: в плиссированной твидовой юбочке в клетку, в блузке с короткими рукавами и воротничком а-ля Питер Пен, с двумя расстегнутыми верхними пуговицами. Ступни ее навсегда запомнили туфли, высокие, не по размеру. Те, что остались от сбегавшей матери.

Ее усадили в низкое стильное кресло. Такое низкое, что до пола допёрднешь. Такое низкое, что юбка соскальзывала на талию, и приходилось наклоняться вперед, подтягивать оборку и зажимать ее коленями. Наклоняешься вперед, и воротничок расходится, а «не-Шло» заглядывает прямо под блузку. Дома, в спальне, одежда была совершенно обыкновенной – обычная школьная форма, тряпки для клуши; здесь же она словно исполняла стриптиз на видео под музыку. Кругом висели марокканские ковры и светильники из нержавеющей стали. За стеклянной стеной виднелось здание «Нетфликса».

Его ширинка торчала как раз на уровне ее глаз, на расстоянии рукопожатия.

Момент был тот еще. Митци пришла сыграть в игру, правил которой не знала. С собой девочка принесла кассетник с ДАТ, перемотала к нужному моменту. Она подготовилась: обра-

¹ ДАТ-кассета – кассета с пленкой для цифровой записи. Аудиозапись получалась более высокого качества, возможностей редактирования звука и управления записью было больше, поэтому использовалась профессионалами в 80-х и 90-х. (Прим. перев.)

ботала звук, сделала понасыщенной и слушала, пока уже и сама не могла сказать, хорошо получилось или нет. Плеер поставила на пол у ног. Туалетная бумага в туфлях давила на пятки.

Галстук «не-Шло» служил указкой, полосатой стрелкой алого шелка, – от его лица прямо на ширинку. Усевшись на столе, мужчина мог и смотреть ей в лицо, и пялиться на любую часть тела. Заглядывать под юбку, под блузку. А Митци просто не могла смотреть – перед глазами торчал распухший стояк. Как маленькое пузо под пузом, набитое так же плотно, как ее туфли. Пряжка ремня совсем затерялась между свисающим пузом и торчащим стояком. Смотреть на все это было просто невозможно.

В этом была его суперсила.

Она подняла плеер на колени. Прикрылась им, как доспехом, как тяжелым электронным фиговым листком. Динамик прижала так, что рев должен пойти словно из ее утробы.

Прозвучал сильный голос «не-Шло»:

– И чем же вы собираетесь меня заинтересовать, юная особа?

Он поднял ладонь ко рту и вытер губы. Он сглотнул; жесткий кадык поднялся и опустился, узел галстука подпрыгнул. Сверкающий алый шелковый кадык.

Митци не попадала пальцами на нужные кнопки. Пленка заверещала на высокой скорости. Митци нажала кнопку перемотки и дождалась нужных цифр на счетчике. Следующий клиент ждал за дверью, голоса, доносившиеся оттуда, мешали, крали его внимание.

Беспомощная слабачка. У нее ничего не получилось. Никогда у нее ничего не получится.

А тело записывало все, тело превратилось в черный ящик пассажирского лайнера; самолет разбился, и никто не выжил.

Митци нажала кнопку.

Сначала зашипел фон. Затем прозвучало ее произведение.

Волна прокатилась не только по рукам и шее, волна захлестнула все тело. Когда раздался вопль, Митци словно стала проводником чего-то из потустороннего мира. Она создала нечто бессмертное, что не измеришь монетой. Такого не создать простому ремесленнику.

В этом была ее суперсила.

Раздался вопль, и все преобразилось. Продюсер пал. Его разъявленный рот беспомощно застыл в таком же вопле. Что, как не подражание, есть высшая оценка творчества? Как рыболовный крючок, звук впился в слушателя, погрузился и жалом, и бородкой, стал плотью жертвы. Звук овладел им, как паразит. Глаза «не-Шло» вылезли, пузо и стояк сжались, исчезли. Глаза и вылезли из орбит, и закрылись одновременно, будто слушатель испытал ту же боль, что и на записи. Челюсть вывернуло так, что подбородок врезался в горло, а самого его отбросило назад. Словно Митци выстрелила или саданула ножом, врезала ему наотмашь, прямо в стеклянную челюсть.

Даже когда вопль сменился шипением пленки, комната еще долго сотрясалась. Голоса за дверью смолкли. В тишине откуда-то издали донеслись тихие и беспомощные слова незнакомца: «Это еще что за херня такая?»

Прежние книжные полки исчезли. Фотографии в рамках превратились во что-то невообразимое. Каждая ручка, каждая книжка обернулась в дикого, злобного зверя, неведомое доселе чутье рвало тело мужчины, слезы залили глаза, вены вздулись под воротом рубашки.

Митци испытала те же чувства, когда записала первый предсмертный вой.

Каждый хочет стать кем-то. Люди жизнь отдают за то, чтобы рассмешить зал. Завладеть вниманием незнакомцев. Повторить успех, продать талант, навариться на самых сокровенных человеческих инстинктах. И если умеешь превращать в товар то, что делает человека человеком, то цель достижима. И жратва, и порно становятся инструментом власти.

Продюсер так мотал головой, что зашлепал щеками. Подпрыгнул, шатаясь, рухнул в кресло. Туго набитое вращающееся кресло черной кожи пискнуло под ним, как звереныш с

перерезанной глоткой. «Не-Шло» отдернул руки от подлокотников и застыл в гадливом оцепенении.

Тело Митци запомнило это чувство навсегда. Вдруг превратиться из ничтожества во властителя, из жертвы в хищника.

Рука угрожающе двинулась к кнопке «Воспроизведение», но продюсер остановил Митци умоляющим жестом:

– Нет. У меня сердце не выдержит.

Так она превратилась из запуганной в устрашающую.

До того дня любой хамоватый водитель автобуса мог довести Митци до слез. С того дня ее работой стало доводить до слез других. Она поднялась до уровня профессионального садиста, только лучше. Ее способность создать всеобщее напряжение, а потом взорвать аудиторию, дать всем выпустить пар без преувеличения можно было назвать сверхъестественной.

До выпускного оставалось два года, но в школу Митци больше не вернулась. Девушка стала единственной Айвз в «Айвз Фоли артс».

Учиться предстояло другим пятнадцатилеткам, тем, которые хотят в университет. Митци уже знала все, что нужно: о жизни, ужасной смерти и том, как по-тихому получать гонорары с мирового проката, не особо заморачиваясь вычетом налогов.

Голоса в коридоре молчали. Все ждали, что скажет она. Продюсер, «не-Шло», сунул покрытую пятнами лапу в нагрудный карман и вынул гремящий пузырек с пилюлями. Вытряс одну на ладонь и бросил под язык.

Некоторое время Митци воспринимала свою работу как «политическую карьеру». Она считала, что женщинам исторически запрещено убивать, если речь не идет о самозащите. Женщина не имеет права убить ради удовольствия, тем более нельзя убить другую женщину. Что бы там ни говорили о равных правах в воспитании детей, как бы ни обсуждали неравенство в зарплате, право на убийство – вот единственное мерило женского равноправия. Когда эмоции по поводу той первой записи немного улеглись, Митци убедила себя, что добыча криков сродни политическому деянию и представляет собой нерушимую власть.

По ее мнению, она вела последний бой за равноправие женщин.

Со временем появились и другие цели, но восторг от первой, главной, не исчез. Как и положено при классической сублимации, Митци считала, что доставляет радость другим, что избавляет безымянных людей от ничтожной жизни, даруя им бессмертие, о котором те и мечтать не смели. Митци Айвз, творец звезд.

Каждая такая цель все глубже хоронила правду. Дело было не в политике и не в благотельстве – Митци просто упивалась властью. Ценность награды уменьшалась с каждым разом, с тем, первым, глотком власти ничто уже не могло сравниться.

Сначала ни выпивки, ни таблеток не было. Однако они не заставили себя ждать, появились, как только Митци сама перестала верить в собственные сказки.

Продюсер, «не-Шло», взял себя в руки. Перед его глазами помчались цифры, о которых Митци и не догадывалась, и он предложил:

– Дам тебе двадцать тысяч за исключительные права без ограничения по территории.

Митци поставила цифровой плеер на пол и скрестила ноги. Позволила юбке задраться. Хотела посмотреть, станет ли мужчина пялиться, хотела почувствовать власть.

Продюсер пялиться не стал.

– Хорошо, двадцать пять, – произнес он.

– Тридцать, – отозвалась Митци. Она наклонилась вперед, вырез рубашки опустился. Показались очертания ее почти совершеннолетней груди.

Продюсер упорно не смотрел: девушка доказала, насколько опасной может быть.

Губы торгаша скривились в ухмылке. И даже не в ухмылке, а натренированном опытом таких вот сделок выражении лица.

– Таких денег за озвучку криков не платят, – начал было он. – Глупо думать...

Митци поднялась и расправила юбку.

– Хочешь увидеть, как заплатят сорок? – и притворилась, что хочет уйти.

Противник хрустнул зубами. Страх выдал его с потрохами, ужас при мысли, что какой-нибудь конкурент потратит сорок штук и поднимет целое состояние на этом вопле. Ведь можно предоставлять лицензию и сублицензию на использование крика в кино, на телевидении, в компьютерных играх. Для телефонных рингтонов. В поздравительных открытках! Вопли не надо переводить, чтобы выйти на рынки других стран. Бесконечный поток денег, вечный двигатель дохода.

– Сядь, сядь, сядь! – Продюсер выставил ладони вперед, словно мог по воздуху затолкать ее обратно в кресло. Он пошарил в ящике стола и выудил чековую книжку. Стоит заартачиться, и девица, чего доброго, сама выпустит запись на рынок. И завтра ему придется стать в одну очередь с сонмищем звукоинженеров и гуру спецэффектов.

Черкая ручкой, расписывая ее, спросил:

– И как же называется это твоё произведение искусства?

Вопрос заставил Митци задуматься. Она упустила из виду такую важную деталь, а ведь это все равно что дать имя первенцу. Часы показывали, что встреча затянулась намного дольше запланированного. Холл перед дверью был набит торгашами, и все эти незнакомцы замерли, прислушиваясь. Как они ненавидят ее за то, что украла столько времени!

А как ей нравится всеобщая ненависть! Вот работа мечты: притягивать слух, внимание миллионов незнакомцев.

– Называется? – Митци задумалась, подождала. Важно рассчитать время. – «Ребенок снимает шкуру с маньяка-убийцы заживо». – Затем добавила: – Да, и округлим сумму до ста тысяч долларов.

Продюсер не ответил.

Вялый звук скребущей бумагу ручки, ее имя и сумма «сто тысяч» на чеке. Звук этот навеки эхом записался в памяти.

Поначалу никто не говорил. Группа сидела в подвале кружком, все поглядывали друг на друга. Женщина, когда-то бывшая матерью, взглянула на того, кто когда-то был отцом, а тот посмотрел на наставника. На Фостера никто не смел поднять глаз. Потом уже все смотрели только на наставника, Робба. Робб спросил Фостера:

– Ну и как там Бали?

Фостер не поднимал глаз от ладоней на коленях. Доктор, чей сын поехал кататься на велосипеде и забыл надеть шлем, только раз, только в тот один-единственный раз, всего-то тихонько покатайся неподалеку от дома, – история, которую Фостер слышал столько раз, что и сам уже мог ее рассказать, – так вот, доктор достал телефон из кармана пиджака. Открыл интернет-страничку и поднял телефон так, чтобы все могли видеть.

– Я думал, твоя дочь погибла?

Кто-то вытянул шею, чтобы разглядеть получше, кто открыл страничку в своем телефоне. А кто-то спросил:

– Так твоя Люсинда не погибла?

Одни в недоумении морщили лоб, другие внимательно изучали экраны своих телефонов:

– На мертвую эта девушка совершенно точно не похожа.

Наставник, Робб, поднял руку, призывая к тишине, и обратился к Фостеру:

– Расскажи нам снова, как погибла Люсинда. Пожалуйста.

К тому, что Фостер уже рассказывал, добавить было нечего. Она шагнула в лифт.

То, чем в этой группе занимались, было сродни лечению от зависимости. Фостеру представлялось, что все участники исцеляются от любви по своему погибшему ребенку. От него

требовали того же. А Фостер не мог следовать за остальными, просто не желал отказываться от своей зависимости. И, должно быть, группа завидовала его упорству. Каждый из них собственными глазами видел, как сын или дочь покидает этот мир; им пришлось опознать останки, участвовать в похоронах. Лишь у Фостера оставалась возможность притвориться, что его ребенок все еще жив.

На плечи молодой женщины, фотографию которой они внимательно рассматривали, струились Люсиндины волнистые темно-рыжие волосы. Студенческий возраст или около того. Женщина улыбалась, стоя рядом с ним у ограждения круизного лайнера. Глаза и рот – такие же, как у второклашки рядом с молодым улыбающимся Фостером на других фото, только повзрослевшие.

Да, его дитя, его Люсинда мертва. Эта другая Люсинда, такая прекрасная и живая на страничке в соцсети – просто кукла, копия. К чему объяснения? Они все равно не поймут причин.

На экране взрослая Люсинда и Фостер, ее отец, поднимались в небо в корзине воздушного шара. Далеко под ними проплывали бесконечные виноградники, пересекая невысокие холмы. Владелец телефона спросил:

– Ты пудришь нам мозги этим «газлайтингом»?

Кто-то поправил соседа:

– Теперь молодежь называет это не «газлайтинг», а «троллинг».

Наставник гнул свое:

– Если... если она действительно пропала без вести больше семи лет назад, надо подать заявление судмедэксперту на признание умершей.

Разве можно что-то объяснить таким людям? Все ведь совсем не так, как кажется. Фостер сжал пальцы в кулак, а потом расправил веером – пусть боль от укуса пронзит и отвлечет.

Робб шикнул на расшумевшихся и спросил:

– Друг, твой ребенок мертв или жив?

Фостер принялся за свой обычный рассказ:

– Мы с ней были у меня на работе. Люсинда шагнула в лифт...

Робб прервал его:

– Тогда тебе надо провести похороны.

Имелись в виду похороны пустого гробика, мемориальная служба, когда друзья, которые совсем не друзья, и подписчики в соцсетях могут отдать дань памяти гробу, полному старых кукол, плюшевых зверушек и одежды. Короче, похороны-обманка.

Поднялся общий треп. И тут тренькнул его телефон. Сообщение от Люсинды. От этой Люсинды, живой и прекрасной, от которой у него уже была зависимость. «А на следующей неделе?» – значилось в сообщении.

Девушка на кровати шелохнулась. С глуповатой, не от мира сего улыбкой, выворачивая руки и ноги, она боролась с веревками, зафиксировавшими запястья и лодыжки к опорам взятой напрокат старинной кованой кровати. От ее движений зашуршала прозрачная полиэтиленовая пленка, натянутая на матрас, чтобы тот не промок. На сборку кровати, антиквариата со склада реквизита, у Митци ушло гораздо больше времени, чем она рассчитывала. Она едва успела установить монитор и более или менее правильно расставить микрофонные стойки, как «рогипнол» перестал действовать.

Митци опустила «Шур вокал Эс-Эм 57» так, что тот почти касался губ девушки. Рядом с «Эс-Эмом» замер в ожидании олдскульный ленточный микрофон, как будто завалялся здесь со времен радиотрансляций Орсона Уэллса. Самопальные баночные микрофоны торчали со всех сторон, а прямо сверху свисал остронаправленный микрофон, и каждый датчик был подключен к своему предусилителю.

Митци подождала, когда девушка заговорит, когда прыгнут стрелки всех измерителей уровня в ее собственном храме аналогового звука.

Стрелки дернулись, как только девушка произнесла:

– А, это ты...

Она подмигнула Митци – будто в замедленной подводной съемке. Подняв подбородок, девушка увидела наготу своего тела.

Митци чуть придвинула один микрофон:

– Ты заснула, пока мы болтали.

Девушка вздохнула с облегчением:

– А я уж подумала, сейчас насиловать будут.

Внимательно слушая монитор, Митци немного отодвинула другой микрофон.

– Мне нужно выставить уровни записи. Расскажи, чем ты завтракала.

Все еще в дурмане от снотворного, девушка придвинулась к «Шуру»:

– Блинчики. Картошечка. Греночки. – Она втянулась в игру и принялась придумывать на ходу: – Яичница, овсянка, поджарка...

Официантка перечисляла меню завтрака.

Взрывные «п» и «б» загнали стрелки аналоговых приборов в красную зону. Голос в мониторе зазвучал перенасыщенно, тепло. Но в цифровой записи звук срезался, уходил в бесполезный треск. Митци еще немного отодвинула «Шур» и отбросила прядь светлых волос со лба девушки, попутно нежно уложив ее голову на подушку, тоже застланную полиэтиленом.

Девушка не сопротивлялась и продолжала:

– Сок апельсиновый, грейпфрутовый, овсянка...

Глаза безвольно закрылись, словно она опять собралась вздремнуть. Форма официантки небрежно лежала на стуле у стены. В животе у нее заурчало, и стрелки подпрыгнули.

– Извиняюсь, – пробормотала девушка. – Проголодалась, пока про еду говорила.

Митци поразмыслила, не перенастроить ли уровень тишины. А девушке сказала:

– Не волнуйся, долго голодать не придется.

Она подошла к стулу, где лежала одежда, открыла сумочку. Достала бумажник, искала водительское и прочла имя.

– Шания? – Митци вернулась к кровати, повторив громче: – Шания, солнышко?

В бумажнике Митци нашла три стодолларовые банкноты, которые послужили наживкой. Митци достала банкноты, сложила их и сунула себе в карман джинсов.

Девушка открыла глаза и недоуменно сдвинула брови, переводя взгляд с микрофона на микрофон, как будто видела их впервые.

Митци попробовала разговорить ее:

– Солнышко, ты когда-нибудь слышала про «крик Вильгельма»?

Они встретились глазами. Шания покачала головой. Водительское было выдано в Юте. Мормоном она была так себе – никакого дурацкого белья Митци не нашла, когда разрешила на бесчувственной Шании форму официантки.

– Однако сам крик ты слышала, – заверила Митци. – Это вопль, записанный мужским голосом в тысяча девятьсот пятьдесят первом году для фильма «Далекie барабаны». В одной из сцен солдаты переходят вброд болото, кишасщее аллигаторами. Поэтому официально запись называется «Мужчина, укушенный аллигатором, кричит». С момента записи этот крик использовали в более чем четырех сотнях художественных фильмов, бесчисленном количестве телепередач и компьютерных игр.

Митци продолжила:

– У классических криков такие элегантные названия, прямо как названия картин. Второй по знаменитости вопль, например, называется «Мужчина, выворачивающий душу вопль, падение с большой высоты». Произведение искусства, правда? Он известен как «воплъ Говарда»,

ведь его использовали для озвучки Говарда Лонга в фильме девяносто шестого года «Сломанная стрела», хотя крик был записан для фильма восьмидесятого года «Девятая конфигурация». На третьем месте по известности в кинобизнесе – «воплъ Гуфи», но о нем – чем меньше, тем лучше.

Дважды прозвучал мелодичный колокольчик – вызов телефона Митци, который лежал на микшерном пульте.

Девушка на кровати сказала:

– Тебе звонят.

Митци подняла телефон и показала фото мужчины:

– Мой приятель. Джимми.

– Красавчик, – ответила девушка, шурясь на экран.

Митци взглянула на фото патлатого гризера в заляпанной краской бандане на голове.

– Ты еще бредишь.

Митци дождалась, пока включится голосовая почта.

– Потрахаться ему захотелось.

Подняв подбородок, она повернула голову, демонстрируя уже проходящие багровые кровоподтеки на шее. Все это время Митци не прекращая смотрела на монитор. Она смотрела и пересматривала короткий клип, который кинокомпания прислала для дубляжа. Монитор Митци поставила так, чтобы девушка на кровати ничего не увидела. Митци понимала, что несет всякую ахинею, но девушка нужна ей в сознании – дубля не будет.

Она подняла бандероль с наклейкой «Федэкс», удивившись весу. Что-то длинное и тонкое и в то же время довольно тяжелое. Наверняка металл. Формы не было видно – груз надежно обмотали пузырьковой пленкой.

Губы девушки приоткрылись, она шептала, как молитву:

– Поджаренные хлебцы... печенье и соус...

Митци натянула на руку латексную перчатку. Не сводя глаз с мягко пульсирующих стрелок, натянула вторую, затем подобрала волосы под хирургический колпак.

Кожа у девушки была чистая, такая ничего не скроет. Лицо и шея покраснелись, ладони и ступни побледнели до синевы. Она почти не дышала; грудь и живот усеяли капельки пота.

Запотевшая бутылка пино-гри поблескивала в ведерке со льдом на микшерном пульте. На блюдце-клуазоне ждали таблетки. Любимое блюдце из перегородчатой эмали с розовыми маками, цветами забвения. И любимый «амбиен» в лошадиной дозе. Митци налила бокал вина, глотнула несколько раз, запивая таблетку.

Интересно, молятся ли мормоны, которые не носят дурацкое белье? Есть ли у них особая молитва на случай, если очнутся голыми, ноги-руки привязаны, растянуты по углам кровати в акустически идеальной студии звукозаписи?

«Амбиен» принялся быстрее качать кровь по венам. Как всегда, сработал побочный эффект – маниакальный синдром. Говорят, прежде чем отрубиться, закинувшиеся «амбиеном» обжираются мороженым. Начинают безотчетно скупать что ни попадя в Интернете или по кабельному. Устраивают секс-марафон с незнакомцами и даже убивают, хотя за такие убийства не сажают, ведь сам убийца ничего потом не помнит.

Самое важное потом – ничего не помнить.

Она опять налила бокал до краев. Латекстными пальцами взяла еще таблетку с блюдца, запила. На видеомониторе солдатня-южане навалились на актрису. Та лежала на кровати, а сцена прокручивалась по кругу.

Митци протянула руку и придвинула длинный «ствол» направленного микрофона чуточку ближе ко рту девушки. На клавиатуре она напечатала название нового файла. Фломастером написала то же название на старомодной цифровой ДАТ-кассете: «Девушка молится. Зверски заколота ножом. Быстрая кровопотеря».

И попросила:

– А теперь, Шания, расскажи мне, пожалуйста, что еще у тебя было на завтрак.

Боль никогда не дает лучший результат. Нет, от сильной боли у жертвы лишь шок, предсмертный ступор, тишина как последнее прибежище смертельно раненного зверя, прикидывающегося мертвым. Только ужас и страх помогут сделать по-настоящему ходовой товар, коммерческую запись. Или произведение искусства.

Лепетом на грани слышимости, словно шепча молитву, девушка произнесла:

– Яичница из двух яиц... поджаренный хлебец...

Митци разорвала полиэтиленовый пакетик с поролоновыми берушами. Смяла одну из них пальцами, одетыми в латекс, до подходящего ее уху размера.

– ...апельсиновый сок. – Девушка замолчала, потом, внимательно посмотрев на Митци, спросила: – Будет очень громко, да?

Митци кивнула, свернув второй маленький тугой цилиндрик. Она еще четко понимала, что вся эта орава микрофонов не прекратит запись и тогда, когда снотворное вырубит ее память. Митци силилась вспомнить, как зовут девушку и как они познакомились.

Прежде чем Митци заткнула другое ухо, девушка успела сказать:

– Терпеть не могу сильный шум. – То ли она еще не пришла в себя, то ли ее спасало отрицание происходящего, но Шания попросила: – Можно мне тоже беруши?

Стрелки аудиомониторов мягко подпрыгнули, услышав эту просьбу.

Митци уже распечатывала бандероль экспресс-доставки, уже почти вынула и развернула нож. Однако остановилась и обдумала просьбу. Действительно, зачем бедняжке мучиться и слушать такое?

Митци осушила бокал, проглотила еще «амбиен». Разорвала запасной пакетик с берушами, заботливо скрутила оба цилиндрика и вставила их в теплые мягкие уши.

Она лишь увидела, как губы на горящем и заплаканном личике двинулись, произнося: «Спасибо». Митци ответила: «Пожалуйста», но женщины уже не услышали друг друга.

Зато все услышала орава микрофонов, изготавившихся не упустить ни единого звука из того, что неминуемо произошло.

Фостер попросил, чтобы его посадили спиной к двери – хотел сначала услышать Люсинду и только потом увидеть. Он специально приехал пораньше, поболтал с метрдотелем и угощался скотчем, когда услышал голос за спиной:

– Здравствуйте.

Голос молодой женщины.

– Меня зовут Люсинда. У меня здесь обед с отцом.

Он не повернулся, выждал.

– Такой видный красивый мужчина.

Донесся голос метрдотеля:

– Сюда, пожалуйста.

Фостер увидел Люсинду и понял, что ждал не зря. Золотисто-каштановые, как у матери, волосы ниспадали на плечи – ему всегда так нравилось. Он поднялся навстречу, поздоровался и заглянул в собственные голубые глаза. На девушке было платье, специально купленное для этого случая в Сингапуре. То, в котором она позировала в Инстаграме. Они подставили друг другу щеки для поцелуя, и Фостер обратился к метрдотелю:

– Альфонс, вы знакомы с моей дочерью?

Тот задержался у столика, пока Фостер усаживал девушку.

– Какая очаровательная юная дама!

Фостер разыграл для метрдотеля сценку:

– Люси, а помнишь, как ты наступила на пчелку?

Девушка схватывала все на лету.

– Конечно! – и живо подыграла: – Сколько же мне было?

– Четыре.

Фостеру понравилось, что она поддерживает эмоциональный разговор, а не бубнит заученную роль. Профессиональной актрисой она, может, и не была, зато точно обладала даром импровизации.

Подошел официант, девушка заказала бокал вина, а Фостер – еще скотча. Не отходя от давно оговоренного сценария, он спросил, как учеба в колледже. Она, конечно, была среди отличников, спросила у него совета по магистратуре. Протянула к нему ладонь над столом, и Фостер сжал ее пальцы своей рукой.

– Как же я рада видеть тебя, – сказала она.

Тут Фостер поморщился от боли – укус на руке саднил. Укус, о котором Люсинда не спросила.

Незаметно сунул в ладонь актрисы обычную плату: двести наличными плюс еще пара сотен за артистизм. Это была давно оговоренная стоимость часового обеда. Может, и дороговато – обеды, совместные путешествия, – но ни один психиатр пока не смог предложить ничего лучше: посмотришь на нее, и сразу полегчает.

Сколько же лет прошло? Он подобрал ее по компьютерному фото, такому же, какие наносят на молочные пакеты. Долго бороздил Сеть, сайты эскорт-услуг, пока не нашел идеальное соответствие.

Внезапно в обеденном зале повисла тишина: свет померк, посетители повернули головы, из кухни появился официант, который нес маленький, изящно украшенный торт с горящими свечами. Никто не запел – заведение было слишком стильным, – но раздались приглушенные аплодисменты, когда официант поставил символ дня рождения перед юной особой. Люсинда просияла, сыграла как должно. Прикоснулась кончиками пальцев к губам, словно сдерживая восторг.

– С днем рождения, милая, – поздравил Фостер. Он протянул руку под столом, где стоял пакет с подарком, и достал небольшую коробочку, завернутую в розовую оберточную бумагу, прямо-таки пенящуюся лентами.

Забыв о тортике со свечками, она быстро избавила коробочку от обертки и лент, открыла, показав всем мерцающую двойную нить натурального жемчуга. Девушка ахнула, ахнули и все вокруг.

– Это мамин жемчуг, – сказал Фостер, – достался ей от бабушки.

Оставив на мгновение актерство, она посмотрела на Фостера с искренней признательностью. Уж он-то разницу чувствовал. Как же ненавистны были в тот момент все те люди из группы поддержки: ведь они пытались украсть эту волшебную фантазию. Ожерелье свернулось кольцами в коробочке на атласных подушечках, прямо как в шкатулке для драгоценностей.

Фостер кивнул на торт:

– Загадай желание.

Пальчики с розовыми полированными ноготками коснулись жемчуга. Именинница взглянула на торт и промурлыкала:

– Хочу попасть в кино.

Она сделала, как он сказал: крошечные язычки пламени исчезли и призрачный горький дым окутал Фостера.

Нельзя сказать, что рассвет стал злейшим врагом Митци, а рекламная музыка в лифте бесила; если бы не похмелье, то ни одеколоны, ни даже слабый запах отбеливателя от собственных рук не выворачивал бы желудок, не отдавался бы болью в мозгах. Без солнцезащитных очков Митци могла бы сидеть в приемной и читать голливудские журналы. Даже здесь, на юге,

лишь у некоторых врачей кофейные столики в приемных предлагали «Голливудского репортера» и «Вэрайти», но, конечно, доктор Адама был не абы кто.

Ночью снилось ей, будто она собирает и мастерит нечто сложное, старинное, латунное. Остались смутные воспоминания о полированных завитках, фарфоровых наконечниках, ручной росписи розовыми розами... вроде бы кровать. Сон не то чтобы неприятный.

Пока Митци ждала своей очереди и листала «Энтертейнмент уикли», тренькнул телефон. Сообщение от частного номера гласило: «Великолепный результат. Как обычно». В папке «Входящие» лежал новый документ. Аудиофайл под названием «Девушка молится». Эти слова, да еще душок отбеливателя на пальцах вернули ее в сон. Кого-то рубили или кто-то резал свинью – нечто такое по телевизору показали, когда она задремала. Визги, вопли, кровища... Плечи ломило, как будто всю ночь дрова колола.

Затем пришло другое сообщение: «Крик за лям еще в продаже?»

Ответить она не успела, услышала голос:

– Митци?

Посмотрела туда, где за белым резным лакированным столом сидела молодая женщина, администратор.

– Доктор Адама ждет вас.

Митци поднялась; вдруг дверь открылась, и бородатый доктор сам вышел встретить ее, как обычно, радушно улыбаясь.

Они вошли в смотровую. Там стоял столик, накрытый бумажной скатертью, напротив – раковина из нержавеющей стали, в ряд – застекленные шкафчики. Доктор кивнул на стол: садись.

И начал спрашивать:

– Полегчало?

Сел, прислонившись спиной к раковине. Заметил, что гематомы на шее проходят.

– Как Джимми?

Это он про друга. Из-за которого она решила сделать перевязку маточных труб.

– Что-нибудь мне принесла?

Митци склонилась над сумочкой. Достала три сто долларовые бумажки.

Доктор принял деньги, повернулся к раковине. Достал зажигалку из кармана лабораторного халата, щелкнул ею, и появилось пламя. Доктор держал огонь под купюрами, пока те не загорелись. К потолку поплыл дым. Доктор Адама проследил за взглядом Митци к детектору дыма и успокоил:

– Он отключен.

Комната наполнилась запахами пота, пластика и алюминиевой фольги. Глаза Митци наполнились слезами. Дым поднимался вверх, а крошащиеся хлопья обугленной тряпичной бумаги порхая опускались в раковину. Пламя подобралось вплотную к пальцам доктора, и тот уронил горящие остатки. Недогоревшие клочки скручивались и чернели прямо на нержавеющей стали. Крупные хлопья распадались на мелкие. Огонь добирался до края, вспыхивал синим и угасал. Вот и последнее облачко растворилось в мутном воздухе.

Митци заглянула в сумочку, лежавшую на столе у ее бедра. Там лежали скрученные рулончиком банкноты. У нее в кондоминиуме была одна особая комната, в которой не было ничего, кроме денег.

Еще до того как доктора стали костоправами, до того как психологи стали мозгоправами, все они были прорицателями. Предсказателями, гадалками, весталками, шаманами. Они обучались видеть и понимать любые движения, мимику, жесты других людей, распознавать мельчайшие тонкости языка тела, оттенков кожи, запахов. Могли вникнуть в проблему, никому, кроме них, не ведомую, задавая косвенные вопросы. По крайней мере, доктор Адама так объяснял свой талант. Отучившись на врача в Порт-о-Пренсе, Адама приобрел навыки, выходящие за рамки обычной диагностики. Он все превращал в ритуал. А ритуал для него – это все.

Как давно доктор ее консультирует? Митци покопалась в памяти. Доктора ей посоветовал Шло. А может, какой-то другой продюсер. Это случилось, когда ярость, подтолкнувшая к первому убийству, прошла и потребовалось топливо для следующего.

Митци не верила в колдовскую ерунду, но и как конкретно действует пенициллин, она тоже не знала. Просто пользовалась, когда нужно.

Склонившись над раковиной, доктор изучал пепел, словно чайные листики в чашке. А потом спросил:

– Знаешь кого-нибудь по имени Шаниа Хауэлл?

Услышав имя, Митци вспомнила официантку из дайнера.

– Она упокоилась, – продолжал доктор. – А ты заслужила прощение, ибо твои руки отвели ее туда, где покой и благодать, каких она не знала на земле.

Готовая к продолжению ритуала, Митци достала из сумочки блокнот и ручку.

Доктор изучал пепел.

– Ее родители живут в Огдене, штат Юта. Ист-Плейсер-драйв, девятьсот сорок семь.

Митци быстро записала адрес, подождала.

– По второй закладной они должны восемьдесят пять тысяч, по первой – тридцать одну.

Митци записала, что надо послать им двести тысяч наличными. В особой комнате в кондоминиуме денег было как грязи. Тюки и коробки с пятисотдолларовыми банкнотами лежали так, что в комнате буквально некуда было ступить. Она зачеркнула «двести» – пошлет коробку без обратного адреса с тремя сотнями тысяч долларов.

Дым струился, клубился, вихрился по комнате, как сонмище призраков. Пахло горечью. Легионы потерянных душ толпились вокруг. Митци изо всех сил старалась не дышать.

Доктор включил воду, пальцами направил струйку, чтобы смыть пепел в сливное отверстие. Вытер руки бумажным полотенцем и натянул латексные перчатки. Выдвинул ящик, достал чистый лист бумаги, конверт, ручку.

Положив бумагу на рабочую поверхность, принялся писать и озвучивать письмо:

– «Дорогие мамуля и папкин»... – Голос был не его, слова звучали гнусавым диалектом.

Почерк тоже был не его. Словно студенческая рука выписывала эти буквы.

Митци не раз уже такое видела. Пожалуй, даже слишком часто. Словно что-то из мира духов правило его неживой рукой.

– «Не ищите меня, – продолжал доктор. Страница быстро заканчивалась. – Очень люблю вас и бабулечку».

Все, что он произносил, тут же появлялось на листке бумаги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.